

Социально-психологический генезис личности и проблемы формирования профессионального сознания психолога

С. Н. ЖЕРЕБЦОВ

В статье обосновывается необходимость социокультурного и социально-психологического подхода к изучению личности. Отмечается значимость формирования адекватного образа человека в сознании будущего психолога. Предлагается один из возможных взглядов на личность, в котором акценты сделаны на ее социокультурной и социально-психологической обусловленности, изменчивости и внутренней сложности, богатстве ее переживаний.

Ключевые слова: генезис, личность, профессиональное сознание психолога, социальная психология личности, культура, переживание.

The necessity of social and cultural and social and psychological approaches to studying an individual is proved in the article. There is marked the importance of formation of a person's adequate image in the consciousness of a future psychologist, and also necessity to develop ability to psychological theoritization. One of the possible views at a person is offered in the article, in which the accents are made on its social and cultural and social and psychological (situational, eventful) conditionality, variability and internal complexity, riches of its experiences as display of psychological life, aspiration to growth and spiritual perfection, to display individuality by means of a creative use of cultural means and in a dialogue with others. For psychologists psychological knowledge, theories act as a material for designing a person's image and for comprehension themselves.

Keywords: genesis, individual, psychologist's professional consciousness, individual social psychology, culture, endurance.

Образ другого человека определяет отношение и поведение к нему. Эта простая идея является актуальной для всех профессий группы «человек – человек», но особое значение имеет для деятельности психолога. Назначение данной статьи – и научное, и пропедевтическое, и воспитательное одновременно. В ней отстаивается идея социокультурной и социально-психологической сущности личности. «Человеческое в человеке» в современном мире слишком часто искажается или подвергается забвению. На негативные последствия искажения образа человека указывал К. Ясперс: «... Искаженность образа человека ведет к искаженности самого человека. Ибо образ человека, который мы считаем истинным, сам становится фактором нашей жизни. Он предрешает характер нашего обращения с нами самими и с другими людьми, жизненную настроенность и выбор задач» [1, с. 448–449].

Конечно, психология с ее статусом «мультипарадигмальной» или «внепарадигмальной» науки порождает самые различные, порой противоречащие друг другу образы личности. Оберегая право студентов на собственные оценки теорий и идей, преподаватель должен осознавать свою меру ответственности и понимать, какое влияние оказывают его научная позиция и комментарии на формирование отношения студентов к различным концепциям и моделям личности. Важно и преподавателю, и студентам, сохраняя теоретические пристрастия, развивать, тем не менее, свое профессиональное сознание за счет понимания многих метатеоретических аспектов психологии и науки вообще.

При посещении лекций и занятий многих преподавателей психологии становится особо явным пестрое разнообразие «видений» личности различными людьми. Ниже предлагается один из возможных взглядов на личность человека. В этом взгляде акценты сделаны на социокультурной и социально-психологической (ситуативной, событийной) обусловленности личности, ее изменчивости и внутренней сложности, богатстве ее переживаний как проявления психологической жизни, стремлении к росту и духовному совершенству, к проявлению своей индивидуальности посредством использования культурных средств и в диалоге с другими. Конечно, эти идеи, взятые порознь, не новы, но их системное понимание является в

известном смысле оригинальным, эвристичным для решения многих теоретических проблем, эффективным для работы практического психолога, а также решения многих проблем человеческого общежития. Академик Д. С. Лихачев на закате своей жизни и на заре нового столетия отмечал, что XXI век будет веком культуры, или его не будет вовсе. Конечно, культура – это источник нравственности и средство самосохранения человечества. Но еще культура – это среда и материал для самостроительства личности.

Культурно-историческая теория Л. С. Выготского прямо направлена на обоснование определяющей роли культуры в личностном развитии ребенка. В одной из своих работ он пишет: «Мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием» [2, с. 315]. Культура – это все, что создано человеком. Но также как человеческая психика способна порождать явления культуры, так и культура делает возможным формирование высших психических функций. Язык, знания об окружающем мире и о нас самих, восприятие, верования и даже наши переживания являются результатом нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим. Знание культуры необходимо для понимания того, какой является личность, к чему она стремится, что она делает и почему. Именно поэтому Л. С. Выготский ставил задачу рассмотрения психического развития как культурного процесса. Не случайно том избранных работ Л. С. Выготского назван «Психология развития как феномен культуры» [3]. Культура и психология в принципе не могут рассматриваться как независимые друг от друга. Личность и возможна только благодаря культуре, но не той культуре, которая понимается сугубо утилитарно-нормативно (свод норм, правил), а той, которая есть «царство смыслов», есть среда, «растящая и питающая личность» [4].

Основные особенности психических свойств человека имеют опосредованный характер. Функцию опосредования обеспечивает использование знаков, с помощью которых происходит овладение поведением, а также его социальная детерминация. В свою очередь, социальная среда детерминирована культурными и историческими факторами. Поэтому психология личности – это, прежде всего, *социальная психология личности*, предметом которой выступает человек, время и пространство бытия которого определены как история и культура. Потребности и мотивы с одной стороны и культура – с другой – образуют диалектическое единство противоречивого личностного развития.

Личность выступает социальным качеством способного к самосознанию и саморегуляции человека, эмоции которого интеллектуализируются и вырастают до переживаний. Внутренний мир личности, мир ее переживаний можно рассматривать как мир превращенной культуры. Культура превращается в психологические реалии и приобретает живое («выразительное и говорящее») бытие в переживаниях конкретной личности. Культура через коммуникацию, через диалог *именно в переживаниях* обретает естественные способы личностного бытия. Вся психика – это культура (за исключением разве что каких-то инстинктивных форм функционирования, но даже инстинкты, так называемые «потребности нужды» зависимы от социокультурного контекста своего удовлетворения). Как говорил К. Юнг, «в сущности, все мы являемся частями одной души» [5, с. 554]. Пренебрежение к культуре приводит к игнорированию переживаний, к забвению психологического, духовного. Человек как личность с ее социокультурно обусловленными сущностными свойствами (речью, мышлением, деятельностью) всегда есть часть социальной системы, «узел» социальных связей, носитель культуры. Человеческое, личностное в человеке может быть понято только при изучении его сущностных связей с социокультурным миром.

Даже деление переживаний в своих самых элементарных проявлениях на положительные и отрицательные, как показывает историко-психологический анализ Б. Ф. Поршнева (через первобытное выделение «мы» и «они», но еще без обозначения индивидуумов как единиц социума), определяется не физиологическими, а именно социально-психологическими причинами [6]. Человеческие переживания всегда в чем-то объективированы (в словах, в поступках по отношению к другим, в традициях, в социальных структурах, в невербальных реакциях, в продуктах деятельности). Объективируясь, они становятся наблюдаемыми и анализируемыми субъектом, а, следовательно, превращаемыми во что-то другое, т. е. имеющими другие формы и смыслы, средства проявления и объективации. Возникает другой уровень в развитии пере-

живаний, другое их качество. Объективируются даже самые интимные чувства. А если они не объективируются, то не имеют своего бытия, они, не будучи выражены, лишь едва возникнув, так же, как и «мысль бесплотная» у поэта, «в чертог теней» вернутся. В этом объективировании, когда переживания переходят в знаки, заключено единство когнитивного и эмоционального, единство аффекта и интеллекта, о котором писал Л. С. Выготский.

При включении личности в разное социальное окружение поведение ее меняется. Это говорит о наличии особых образований в психике человека, ответственных за адекватное поведение в каждой специфической ситуации. Таковыми образованиями являются диспозиции: элементарные и социальные установки, ценностные ориентации, свойства характера. Поэтому они выступают в качестве социально-психологических образований личности, в качестве ее психологической культуры. Исследование личности неотделимо от ситуации, в которой личность действует. Наверное, даже можно говорить, что личность немислима без социальной ситуации, ее просто нет в таком случае. Личность сама по себе, без социального контекста есть не что иное, как теоретический конструкт, создаваемый ученым для определенных абстрактных манипуляций.

Культурное развитие личности – не только усвоение, но и присвоение, не только «вращивание», но и «выращивание» идеальных культурных образований. В активном созидании личностью самой себя, в «выращивании» ростков культуры конкретным субъектом и состоит работа психологически культурной личности. Поэтому *культурная инструментализация личности, приобщение ее к богатству способов, созданных человечеством по психологической регуляции жизнедеятельности, индивидуализация этих способов должна стать важнейшей задачей работы профессионального психолога*. И тогда самого психолога мы можем назвать *специалистом, работающим с культурно-психологическими реалиями*.

Итак, культурно-ориентированным должен быть психолог, он должен обладать не только *индивидуальной*, но и *культурной эмпатией*. Индивидуальная эмпатия имеет большую традицию в психологии, она очень подробно описана К. Роджерсом и его последователями. Индивидуальная эмпатия позволяет разбираться в индивидуальных различиях внутри каждой культуры, а также в разнообразных состояниях данного человека. Культурная эмпатия в меньшей степени находилась в поле внимания исследователей. К ее изучению психологи начали обращаться в конце недавно ушедшего столетия. Культурная эмпатия необходима прежде всего в случае значительных различий между психологом и клиентом (а такое бывает очень часто, даже если люди живут по соседству: они находятся в различных культурных «нишах»). Различия могут быть результатом воспитания в особом этническом окружении, социализации в уникальной культурной среде, воздействия специфических жизненных обстоятельств, образующих особую субкультуру. И даже при всех этих различиях вместе взятых вполне возможно понять точку зрения клиента и не сомневаться в ее легитимности, то есть в ее обоснованности и праве на существование.

Психолога без культурной эмпатии можно назвать культурно изолированным специалистом, игнорирующим культурные различия и считающим, что теории и методы являются в равной степени применимыми для работы со всеми людьми. Очень многие реальные проблемы личности он не замечает и тем самым допускает дискриминацию в отношении некоторых людей, которые по какому-либо существенному признаку отличаются от него самого. В качестве такого признака может выступить возраст, вероисповедание, национальность, образование, социальный статус, пол, внешность и др.

Культурно плюралистичное, демократичное общество неминуемо приходит к проблеме дискриминации и толерантности, компетентности и невежества, востребуя таких специалистов, которые могут откликаться на разнообразные проблемы, порожденные социокультурными факторами, то есть обладают культурной эмпатией. Такие психологи будут замечать специфичные формы невербального поведения людей, принадлежащих к другим культурам и социальным слоям, они не будут предвзято относиться к таким людям, которые негативно стигматизированы в общественном сознании (хотя удержаться от такой предвзятости порой бывает очень нелегко). Каждую из трудностей, связанную со своим отличием от клиента, психолог должен уметь выявлять, анализировать и корректно преодолевать.

Культурно нейтральной психологии и психологической помощи личности не существует. Как не существует теорий, методов изучения личности и ее развития, полностью свободных от особенностей культуры. Культуральные предрассудки проникают не только в практику работы психологов, но и служат «материалом» построения теорий. Видные психологи со своими действительно выдающимися теориями являются продуктами той социально-политической, социокультурной среды, в которой они жили или живут. Понимание относительности той или иной теории приводит субъекта ее изучения к необходимости самому стать теоретиком, чтобы в каждой конкретной ситуации действовать «со знанием дела».

Профессиональный психолог не может не быть теоретиком личности. Каждый психолог в любой ситуации профессиональной деятельности делает предположение относительно того, как человек, с которым он работает, стал тем, кем он является на данный момент. Далее психолог думает о том, какой должна быть перемена в человеке, чтобы она в наибольшей степени позволила ему выбрать самую подходящую линию жизни. Затем психолог должен выработать адекватные методы взаимодействия с клиентом, построения отношений с ним, чтобы желаемая перемена состоялась. Все эти шаги есть *теоретическая* деятельность психолога, которая доступна образованной, психологически здоровой и культурно-продуктивной личности.

Профессиональное содействие психолога личностному развитию клиента любого возраста – это искусство, опирающееся на науку. И здесь не может быть простых и однозначно правильных процедур, поскольку предмет деятельности (личностное развитие, психологическое здоровье) сложен и неоднозначен. Сложность возрастает многократно, если учесть, что инструмент воздействия – это тоже личность – личность психолога. Образуется специфическое пространство: личность, воздействующая на личность и сама подверженная воздействию. И в этом пространстве развитая личность психолога выступает условием развития личности клиента.

Культурные различия имеют место и при изучении классической проблемы «отцов и детей». Несмотря на то, что люди различных возрастных групп проживают на одной территории в данное время, они все же живут в различных культурах, а точнее субкультурах. Взросление сегодняшних «отцов» проходило в существенно отличной социокультурной ситуации по сравнению с ситуацией сегодняшних «детей». Возрастные группы имеют поэтому существенные отличия в своей психологии. Поэтому культурная эмпатия особенно важна, когда взаимодействуют представители различных возрастных стадий.

Культурная эмпатия как особое переживание человека не сводится только к эмоциональному содержанию, в нем огромную роль играет, как мы уже убедились, теоретический, когнитивный компонент, а именно обширные и глубокие знания в области психологии личности, человеческих взаимоотношений. То есть культурная эмпатия личности основана на ее психологической культуре. И здесь мы подходим к следующей проблеме – проблеме интериоризации культурных форм, знаков, символов через *диалогическое взаимодействие*. Мы разделяем точку зрения, в соответствии с которой любое взаимодействие, любой акт общения что-то дает его субъекту в личностном плане, развивает его в каком-то отношении. (По принципу: не каждый человек – твой друг, но каждый – твой учитель). Однако эффективным и по-настоящему развивающим психологическую культуру личности и в целом личность является диалогическое общение при максимально полной реализации его ключевых феноменов (паритет, внимание друг к другу, эмпатия, безоценочность, общее смысловое пространство, вдохновение). Такой акцент задает и для психолога-исследователя, и для практического психолога, и для педагогов, и для родителей особый, субъект-субъектный, партнерский, ориентированный на другого характер отношений. И это не просто благое пожелание или дань модному ныне гуманизму. Дело опять-таки, во-первых, в культурно обусловленных причинах, вызывающих к необходимости такое взаимодействие, и, во-вторых, в самих механизмах формирования и развития «человеческого в человеке».

Д. Б. Эльконин писал: «Процесс психического развития историчен и конкретен. Воспитание – процесс воспроизводства рода, но противоречие в том, что он должен быть процессом *расширенного воспроизводства*, а это возможно только в том случае, если при воспитании предвидится будущее. Дети требуют от общества представления о его собственном

будущем. А родители воспитывают своих детей по образу и подобию своему» [7, с. 8]. В современном мире, который по истечении 30 лет с момента написания этих слов Д. Б. Элькониным сильно изменился, тем паче недопустимо воспитание «по образу и подобию своему».

Современное общество испытывает острую потребность в человеке нового типа – человеке культуры. Но более всего сегодняшнему обществу нужен человек психологической культуры. Слова К. Юнга о том, что слишком многое поставлено на карту и слишком многое зависит от психологического состояния современного человека, со временем обретают все большую актуальность. Одна из главных особенностей современной культурной ситуации – ее чрезвычайно быстрая изменчивость. Динамичные условия существования человека в сегодняшнем мире изменяют его в гораздо большей степени, чем когда-либо во все предшествующие времена цивилизации. Темп преобразования образа жизни большинства современных людей в последнее время стал чрезвычайно высок. Но при этом у них отсутствуют культурные средства разрешения многих проблем современности. Ускорение и усложнение социальной жизни резко обостряет противоречия между личностью и условиями ее существования. Человеческая жизнь все более определяется важными событиями, большинство из которых носит *персоногенный* характер [8], поскольку события эти требуют от личности интеграции в новый жизненный контекст.

О. Манделштам писал, что «прообразом исторического события в природе служит гроза. Прообразом же отсутствия событий можно считать движение часовой стрелки по циферблату» [9, с. 4]. Это полностью относится и к развитию человека, в котором сочетаются постепенные и взрывные процессы. Человеческие переживания, размышления, продуцируемые событием, решают задачу по построению новой диспозиционной системы, посредством которой можно было бы более эффективно воспроизводить жизнь, то есть придавать смысл своему дальнейшему существованию и эффективно функционировать в новых условиях. Событие является, с одной стороны, препятствием, сопротивлением на пути развития личности, с другой стороны – переходной формой к ее новым возможностям. Кризис состоит в том, сможет ли личность выдержать (пережить) радикализм изменений.

Развитие способности с уважением относиться к жизненным испытаниям – основа формирования гибкой и автономной личности, с присущим ей чувством самооценности, с расширением поля выбора и готовности принимать ответственность за свои выборы. Для культурно продуктивной личности процесс переживания события (критического) включает то, что человек знает, и то, чем обстоятельства могут ему помочь. Совместная рефлексивная деятельность психолога и клиента как способ концептуализации личного опыта создает предпосылки для своеобразной «включенности» в жизнь, восприимчивости к событиям, извлечения из них каких-то важных жизненных уроков. Событие жизненного пути имеет свойство преобразовываться в сознании субъекта в жизненный опыт. Личность, используя определенные рефлексивные механизмы, способна превращать собственный жизненный путь в предмет практического преобразования. Ретроспективное переживание события, которое актуализируется в ситуации психологической помощи либо в ситуации развивающего диалога со значимым другим, способно стать новой персоногенной ситуацией развития.

Включенность личности в систему разнообразных, динамичных отношений с другими пробуждает в ней внутреннее многоголосье, активизирует сложную и противоречивую внутреннюю работу. Человек в различных социальных ситуациях бывает очень разным. Люди всегда могут выбрать что-нибудь из «шведского стола» своей культуры для того, чтобы соответствовать требованиям различных ситуаций. Несоответствие человека самому себе, несоответствие своим идеям, чувствам, способу поведения – движущая сила личностного развития. Наверное, наиболее важная идея концепции личностного развития состоит в том, что это развитие есть *единство разнообразия, разнообразия миров, находящихся в диалоге друг с другом*.

Поэтому очевидно, что принцип социокультурной обусловленности личностного развития невозможен без учета принципа развития в психологии. «Вне категории развития, – пишет В. П. Зинченко, – психология как наука едва ли возможна, поскольку человек никогда не равен самому себе. Он либо больше, либо меньше самого себя. Ему непрерывно приходится преодо-

левать не только пространственные, социальные, но и «хронологические надолбы и рвы» (Г. Адамович), выбираться из «хронологической провинции» (С. С. Аверинцев)» [9, с. 4].

Эти два основополагающих принципа психологии (принцип социокультурной обусловленности и принцип развития) находятся в сущностном единстве. Единство это обеспечивается третьим принципом – *принципом диалогизма*. Социальность личности генетически (то есть по происхождению) и онтологически (то есть по сути) обусловлена диалогическим взаимодействием с другими или с различными аспектами своей самости. Развитие как процесс больших и малых реконструкций и неких значимых обретений с неизбежностью «завязан» на микро- и макросоциокультурную ситуацию, которая сама очень динамична, а поэтому личность должна быть открытой и диалогичной по отношению к ней. Но стремление человека к насыщенной жизни, к осмысленному бытию, к самосовершенствованию ломает все же даже самые застывшие культурные формы.

Диалог не только способствует личностному развитию, но и формирует особое качество психологической жизни, конституирует ее. Именно в диалоге мы по-настоящему живем и являемся сами собой. М. Бубер был уверен в том, что Я человека является не изолированной субстанцией, а отношением с Ты. Для М. Бахтина (самого известного исследователя диалога) быть – значит общаться диалогически. А народная мудрость подтверждает это: «Расставание – маленькая смерть». Психологическое нездоровье и даже психологическая смерть (при вполне сносном физиологическом функционировании) имеют корни в неспособности человека быть диалогичным.

Способность же достигать вершин личностного развития связана с возможностью внутреннего «диалога по вертикали» между повседневным и творческим Я (А. Мелик-Пашаев). Поэтому человек, находящийся в состоянии личностного роста, переживает, размышляет, ищет, теряет, находит, пробует, ошибается, надеется, побеждает, празднует, проигрывает, горюет – то есть полно живет и развивается. М. Мамардашвили отмечает: «... Человек всегда находится в стадии становления, и всякая история должна быть определена как история его усилия стать человеком. Человек не существует – он становится... Фундаментальная страсть человека – дать родиться тому, что находится в зародышевом состоянии, осуществиться. (...) Чаще всего история – это кладбище несостоявшихся рождений, неосуществленных надежд и стремлений к свободе, любви, мысли, чести, достоинству» [10, с. 130].

Итак, образ человека потенциально содержит паттерн поведения по отношению к нему, чем определяется не только теоретическая, но и практическая значимость психологического теоретизирования. На протяжении всей истории культуры научные обобщения и результаты познания человеком самого себя не были нейтральными по отношению к его внутреннему миру. Эти результаты становились основой его психологической культуры. Также как число у древнегреческих философов дифференцирует и обобщает нерасчлененный поток бытия, превращает его в некую систему, с которой хотя бы отчасти может совладать человек, так и культурные средства образованных европейцев, в том числе и психологические идеи и теории выступают своеобразной основой переживаний. Теория, культурное образование привлекается для целей осознания переживания, осмысления своего жизненного пути и своей личности.

Конечно, можно было бы утверждать, что для психолога, работающего в современных условиях, ценностью выступают не знания как таковые, а их конструирование, сообразное актуальной ситуации. Но нужно учитывать, что конструирование как таковое должно иметь в своей основе средства осуществления. Таковыми средствами выступают различные культурные феномены, имеющие социотипический характер, но всякий раз трансформированные конкретным сознанием. То есть без широкого психологического образования и без развитой общечеловеческой культуры деятельность по построению нового, деятельность по конструированию оказывается просто невозможной.

Сформулированные в этой статье принципы и идеи задают определенную фокусировку при рассмотрении социально-психологических проблем личности и ее развития, что позволяет занять одну из возможных точек зрения на интересующий нас предмет. Социокультурное, социально-психологическое не должно быть маргинальным к конкретной личности.

Представляется, что именно такое понимание личностного является во многих отношениях весьма продуктивным и может успешно конкурировать с позитивистским упрощением человека. Но пока старое возмущение о том, что психология ранее была наукой о душе, а теперь является наукой о ее отсутствии, к сожалению, легче подтвердить, чем опровергнуть.

Литература

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. Проблемы развития психики. – 368 с.
3. Выготский, Л. С. Психология развития как феномен культуры / Л. С. Выготский / под ред. М. Г. Ярошевского. – М.–Воронеж, 1996. – 326 с.
4. Вересов, Н. Н. Культура и творчество как психологические идеи / Н. Н. Вересов // Вопросы психологии. – 1992. – № 1–2. – С. 124–128.
5. Энциклопедия для детей / глав. ред. В. А. Володин. – М.: Аванта+, 2002. – Т. 18. Человек. – Ч. 2. Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия. – 640 с.
6. Поршнева, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1979. – 131 с.
7. Асмолов, А. Г. Вперед к Д. Б. Эльконину: неклассическая психология будущего / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 2004. – № 1. – С. 4–9.
8. Коломинский, Я. Л. Персоногенность как форма личностного развития / Я. Л. Коломинский, С. Н. Жеребцов // Психология. – 2001. – № 2. – С. 23–36.
9. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колюцкий. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 464 с.
10. Зинченко, В. П. Проблемы психологии развития / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 127–138.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 26.01.10